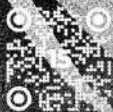

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

ПРОДОЛЖЕНИЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ КНИГИ НУЛЕВЫХ

МЕТРО 2035

ХОЧЕШЬ ПРАВДУ?

metro

НАШЕ
МАКСИМ
MAXIM
MAXIMONLINE.RU
ЖУРНАЛ
РИССКИЙ РЕПОРТЕР

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033**

НАИЛЬ ВЫБОРНОВ

МЕТРО 2033:

**НА ПЕПЕЛИЩАХ
НАШИХ ДОМОВ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК: 821.161.1-312.9
ББК: 84(2Рос=Рус)6-44
В92

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — *Дмитрий Глуховский*
Главный редактор проекта — *Вячеслав Бакулин*

Оформление обложки — *Игорь Соловьев*
Карта — *Леонид Добкач*

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Выборнов, Наиль Эдуардович.

В92 Метро 2033: На пепелищах наших домов : [фантастический роман] / Наиль Выборнов. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Вселенная метро 2033).

ISBN 978-5-17-120820-2

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского — культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж — полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Двадцать лет они провели в подземном убежище, спасаясь от радиации и порожденных ею мутантов, боясь высунуться на поверхность. Двадцать лет они жили подобно крысам, прячась по норам и питаясь объедками цивилизации. Сама судьба не вынесла их страданий и дала жителям Набережных Челнов шанс выбраться из мертвого города, найти новое место для жизни и снова почувствовать себя людьми.

Один из беженцев — Азат, несущий на плечах груз ответственности за жену и двоих сыновей. Он отправляется в путь вместе со всеми, в надежде дать семье лучшее будущее. Однако улыбка судьбы оборачивается злобным оскалом: куда идти, если весь мир погиб, а вокруг только выжженные атомным пламенем пустоши? Смогут ли они устроить новую жизнь на пепелищах наших домов?

УДК: 821.161.1-312.9

ББК: 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120820-2

© Глуховский Д.А., 2017

© Выборнов Н.Э., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

И ЩИ ГОРЯЧЕЙ, И ТРАВА ЗЕЛЕНЕЙ

Объяснительная записка

Алекса де Клемешье

Практически каждое лето в детстве я проводил в деревне, в Поволжье, совсем недалеко от тех краев, которые описаны в книге. В 80-е годы местный колхоз был одним из самых передовых: богатые урожаи, победители соцсоревнований, фотографии местных комбайнеров-ударников — даже в центральных газетах. В каждом доме — по корове, а то и по две; овец и коз — без счета. Когда вечерами по деревне гнали стадо, приходилось ждать не меньше получаса, чтобы перейти на другую сторону улицы. В день, когда объявлялся сенокос, едва ли не до драк доходило — так торопились односельчане застолбить самый лакомый участок с самой сочной травой, так ценился любой клочок колхозной земли, не занятый пшеницей, рожью, кукурузой, подсолнухами или викой. Свободные от посевов и посадок места присматривали загодя, и внезапно оказывалось, что на вожделенную территорию претендуют сразу несколько соседей. А куда деваться? Скотины у каждого много, сена на зиму требуется вагон и еще тележка в придачу.

Впрочем, маленькому мне недосуг было всерьез задумываться о взрослых дразгах. Каникулы — они на то и каникулы, чтобы купаться, загорать, ходить в лес за земляничкой, а в овраг к Дворянам — за опятами. Кто такие эти Дворяне, я тоже не задумывался. Ну, раз уж у рек и гор есть названия, почему бы не быть названиям у оврагов? Главное, что от дома близко, не больше километра, а опята — ужасно вкусные!

С середины девяностых и до начала нулевых у меня не получалось поехать в деревню: работа, свадьба, рождение сына... Казалось бы, что может произойти за каких-то семь-восемь лет? Выяснилось, что многое. Старики умерли, молодежь подалась в города. Деревня не то чтобы опустела — да, были и брошенные, заколоченные дома, но дело не в них. Изменилось все вокруг. Новое поколение уже не держало коров и овец, предпочитая покупать молоко и мясо на базарах и в фермерских хозяйствах. Никто больше не воевал за участки травы во время сенокосов, от гигантского стада остался буквально десяток голов. Скотина теперь не паслась на лугах и склонах оврагов, и в окрестностях все заросло метровым бурьяном. В Дворянах исчезли опята — наверное, им попросту не хватало солнца в густом покрове буйно растущей травы. Колхоз в «лихие 90-е» обанкротился, перестал сеять хлеб — занялся вырубкой леса. Экосистема разрушилась.

Кстати, Дворянами, как оказалось, называлась деревенька, которая вполне себе существовала в начале прошлого века, даже название местные жители не успели позабыть. Но название — это единственное, что сохранилось. Ни кособокого сруба, ни печного остова, ни каменного фундамента — ничего не осталось на том месте, где когда-то жили люди. Лишь опята на склонах оврага (вот дались мне эти опята! Тем более что и они в итоге исчезли, поглощенные бурьяном...).

Как страшно, наверное, гипотетическому бывшему жителю деревни Дворяне попасть в те места, где прошла его юность. Уж если мне после семи-восьми лет очевидны разруха, тоска и запу-

стение в родной деревне и окрест, то что уж говорить о человеке, от чьего дома не осталось и следа? И от домов соседей — тоже... Вот так идти по склону оврага — и понимать, что сейчас ты проходишь по тому самому месту, где когда-то стояли в палисаднике твои детские качельки, а вот тут жила девушка — твоя первая любовь, а вон там работал на лесопилке твой отец...

Все исчезло. Ничего не вернуть. А скоро и памяти не останется.

Красной нитью сквозь весь текст романа Наиля Выборнова тянется тоска по утраченному. Человек, прошедший через ужасы Катастрофы, преодолевший множество невзгод и лишений в постъядерном мире и, несмотря ни на что, выживший, — этот человек теперь выбирается на поверхность, смотрит вокруг: на знакомые с детства места, на пустоши и пепелища, на здания, ставшие склепами, на селения, ставшие ловушками, — и кажется, что от отчаяния у него вот-вот опустятся руки. И отчаяние это не из разряда «Как же теперь все это восстановить?», все гораздо страшнее: «Как мы могли все это допустить?!» — вот что гнетет и мучит героя романа «На пепелищах наших домов».

Однако есть кое-что, что не позволит опустить руки даже в самой безвыходной ситуации, то, ради чего испокон веков человек поднимается с колен, выбирается из руин и двигается дальше.

Во Вселенной Метро 2033, как и в реальной жизни, друг может оказаться предателем, добропорядочный гражданин — серийным маньяком, невзрачный сосед — агентом вражеских спецслужб, а в организме случайного попутчика могут протекать такие необратимые процессы, что уже и не определить, человек ли он. Все окружающие — не те, за кого себя выдают!

В этот сборник вошли лучшие тексты, написанные уже знакомыми вам и совсем новыми авторами Вселенной Метро.

ГЛАВА 1

ИСХОД

Азат не мог оторвать взгляда от открытых гермоворот.

Двадцать лет. Двадцать чертовых лет прошло с тех пор, как они закрылись, надежно спасая от разверзшегося на поверхности ада тех, кто успел укрыться в подземном переходе. Сколько их тогда было? Две сотни, три? Набились в бетонную кишку и технические помещения, как сельди в бочке, и сидели там в ожидании эвакуации, которой так и не последовало.

И что потом? Как так вышло, что из трех сотен за двадцать лет осталось немногим больше шестидесяти? Популяция пришла в соответствие кормовой базе? А ведь чего-чего, а еды, заготовленной впрок, хватало, особенно с учетом резко сократившегося населения Челнов. Единственным реальным дефицитом оказались лекарства, которые с каждым годом теряли свою эффективность. Антибиотики помогали примерно в половине случаев, хотя, возможно, дело было в изменившихся, как и все остальное, бактериях.

Люди умирали, все по-разному. Кто-то вешался и стрелялся, кого-то стреляли или вешали. Некоторым не повезло стать добы-

чей для расплодившихся на поверхности мутантов, других убили недружелюбно настроенные сородичи. Взять только последнюю войну с Халифатом, в результате которой население «Домостроителей» сократилось едва ли не на треть.

Были и другие причины, конечно, — никуда не делись и инфаркты с инсультами, и гипертония с диабетом. Только вот их резко стало меньше, единицы, в пределах статистической ошибки. Если не было подозрений на насильственную причину смерти, никто не возился со вскрытием трупов — парни из «Булата» унесут на поверхность, да и все дела.

Зато число раковых больных увеличилось, но этому никто не удивлялся. Отчасти потому, что раком называли все непонятное.

С тех пор как подземный переход на «Домостроителей» стал для них единственным домом, прошло семь тысяч очень тяжелых дней, наполненных борьбой за выживание. И вот настало время покинуть убежище.

Парням из «Булата» удалось пригнать из Шильны четыре машины, переделанные под реалии нынешнего времени — высокие зубчатые колеса, сваренные из стальных труб бамперы, окна, прикрытые решетками. На базе «пришлых» явно имелся хороший механик, настоящий фанат своего дела. Благодаря его труду три несчастных «уазика» да смешной лупоглазый «ПАЗ» получили вторую жизнь.

«УАЗы» выглядели странно, будто кто-то поставил обычные «козлики» на шасси «буханок» и нарастил кузова так, чтобы было место и под багажник, и под гнездо для пулеметчика наверху, но все навешанное на них железо смотрелось удивительно органично. Это не уродливые кадавры, сваренные из лома, как в фильмах про «Безумного Макса». Выглядели машинки будто армейские серийные модели, не хватало только кучи разгильдяев-срочников вокруг.

Вместо них вокруг машин возились бабы и мужики, которым приходилось бросить все нажитое годами добро. Полковник был суров — не более пяти кило груза на человека.

Что неудивительно. Движки и так были прожорливы до безумия, а максимальная скорость более-менее комфортной езды для автобуса ограничивалась шестьюдесятью километрами в час — до какого значения она снизится, когда туда набьется под сорок человек, да еще со скарбом?

По задумке старика сборы должны были пройти тихо и быстро. Только вот ничего не вышло. Людям приходилось отдиравать себя от стен перехода, будто за двадцать лет они успели врасти в них. Наверное, устроить галдеж с ругательствами и плачем толпе мешало только понимание того, что они находятся на поверхности, где любой шум может привлечь нежелательное внимание. Рискованно это все было, хоть улица и прикрыта бойцами да двумя снайперами, которых для пущей безопасности отправили на позиции.

Ситуация заставила Азата задуматься — так ли нужна этим людям эвакуация? Может, им гораздо милее было бы дожить остаток дней под землей?

Не желая видеть, как жена с сыновьями будет отбирать их скарб, он напросился в охрану, но по сторонам почти не смотрел, уставившись на раскрытый гермозатвор, которому больше не суждено закрыться.

Возможно, кто-то из других переходов и решится на колонизацию бесхозной жилплощади: все коммуникации в порядке, только дезактивацию провести. А там и оставшихся вещей завались, и места под фермы да грибные плантации сколько угодно.

Еще месяц назад Азат был готов поспорить, что роль колонизаторов возьмут на себя исламисты с «Халифата» — единственного сообщества на руинах Автограда, которому удавалось не только не стагнировать, но и активно расширяться.

Но после поражения в недавней войне и смерти халифа воинам Ислама не до того. Судя по последним событиям, теперь это вполне могут оказаться коммунисты. Если, конечно, они действительно не построили за городом колхоз.

С другой стороны, если построили, то зачем им захватывать остальные переходы? Чтобы осчастливить всех уравниловкой и принудительным трудом?

Азат усмехнулся. Какое ему теперь дело? Что бы дальше в городе ни произошло, его это не затронет. Пусть хоть режут друг друга, хоть в десны целуются, его это больше не касается. Зато прочих забот прибавилось.

Двадцать лет назад он спустился в переход будучи двадцатичетырехлетним парнем, успевшим закончить институт и параллельно с магистратурой отработать два года помбуром под Альметьевском. Впереди были более чем приличные перспективы — полететь в Сибирь уже в разведке, накопить денег и открыть свой бизнес в Челнах. Тогда он задумывался о стоянке и СТО для грузовиков.

Только вот бомбы, упавшие на город и пощадившие жилые кварталы, стерли все перспективы в порошок. Выжили только самые пронырливые, кому повезло запрыгнуть на последний поезд в будущее, спрятаться в убежищах. Кости остальных до сих пор валялись по проспекту.

Но он к их числу не относился, потому что дальше было двадцать лет существования. Работа с грибами и овощами на ферме, потом — в бригаде механиков, поддерживающих дышащий на ладан газогенератор и проводивших техобслуживание освещения, гидропонных ферм и других систем, от которых зависела жизнь в убежище. Как ни крути, он же инженер, хоть и работал по совсем другому профилю — тренировки с оружием.

Постепенно обязанности стали рутинными и потянулись одинаковые дни, наполненные невыносимой скукой. Но если случались встряски вроде ЧП на работе или ситуаций, когда при-

ходилось брать в руки оружие, Азат начинал думать, что лучше бы все шло по-прежнему. Он слишком любил свою жизнь.

Были и светлые моменты. Их с Ландыш свадьба и рождение Алмаза, а потом и Ильгизара, которые, на их счастье, оказались вполне здоровыми пацанами. Видимо, не смогла радиация превозмочь крепкие башкирские гены.

Но после победы над исламистами он понял, что дальше так жить не может. И пошел в разведгруппу «Булат», наплевав на причитания и слезы жены, которая даже ушла из их семейной «квартиры» в одну из общественных комнат. Лейтенант с Полковником были не против его кандидатуры, учитывая опыт ковыряния в железках и неплохую физическую форму. Хотя главную роль, конечно, сыграл дефицит добровольцев.

Старик только потребовал, чтобы он с женой помирился, но это было несложно. Трех дней не прошло, как та вернулась и с тех пор позволяла себе только осуждающие взгляды, пока он ковырялся в снаряге. Старший сын, кстати, принял ее сторону, а вот младший, наоборот, был в восторге: надо же, отец — разведчик. Мародер теперь звучит гордо.

И получалось так, что покидал убежище Азат сорокачетырехлетним мужчиной, лучшие годы которого уже позади, и оставалось только прожить достойно, сколько получится.

Но он никак не мог взять в толк, что же означали открытые гермоворота?

Что за ними? Светлое будущее? Или наоборот, это — адские врата, и жители «Домостроителей» еще тысячу раз пожалеют, что осмелились войти? Или скорее выйти, покинув уютное нутро подземного перехода.

— Азат. — Он вздрогнул, услышав свое имя, повернулся и увидел, как двое его товарищей по службе в «Булате» тащат в сторону одной из машин НСВ.

Пулеметы у них в убежище имелись. Два «Утеса», один рабочий, а второй с убитой пружиной, намертво клинивший после

пары одиночных. Правда, стрелять до недавнего времени было нечем, крупнокалиберных патронов в городе на момент катастрофы оказалось кот наплакал.

Поэтому их и не использовали во время обороны от исламистов. Зато после победы «Домостроители» в качестве контрибуции помимо всего остального получили еще ящик «двенадцать и семь».

— Что такое? — спросил он.

— Полковник сказал рабочий пулемет на один из «УАЗов» ставить, — ответил боец. — Поможешь?

— Давай, — пожал плечами Азат.

* * *

Азат вместе с остальными бойцами «Булата» ехал в головной машине. Мотор «УАЗа» мерно рокотал на низких оборотах, под колесами шуршал асфальт, раскрошившийся от времени.

За окнами серые многоэтажки с провалами выбитых стекол сменились крепкими двухэтажными коттеджами. Не дворцы, конечно, но домишки выглядели более чем приятно, до войны Азат с удовольствием поселился бы в таком. Хотя и сейчас тоже, если бы удалось найти более-менее чистое место.

Да и нельзя сказать, что это была местная «рублевка». Владельцы домов в основном относились к среднему классу, но строились всерьез и надолго, вот и возник под самыми Челнами коттеджный поселок с летними верандами, гостевыми домиками и беседками.

— Что с фоном? — спросил лейтенант, слегка приоткрыв створку из толстого пуленепробиваемого стекла, которое, похоже, сняли с инкассаторского броневика.

— Чуть выше, чем на «Домиках», — ответил Баранов — боец, оставшийся снаружи, на пулемете. — И растет. Еще немного, и я в салон залезу, неохота рентгены ловить.

— Как почувствуешь, что припекает, постучи, остановимся. И по сторонам посматривай, не только на радиометр.

Лейтенант закрыл окошко и откинулся на спинку сиденья, погладил ствольную коробку своего АК. Азат невооруженным взглядом видел, что командир нервничает. Это было совсем не удивительно — мало им было жесткого марш-броска до места, где спрятаны машины, так еще и Полковник приказал срочно собираться и покидать город, пока солнце не встало. Ладно хоть в сентябре ночь достаточно длинная, успели.

Всем было очевидно, что скоро придется искать место для ночевки. А точнее для дневки. Теперь их время наступает, когда на землю опускается тьма, и лучше оказаться в укрытии до того, как солнце поднимется и вступит в свои права.

Раньше Тукаевский район являлся густонаселенным местом, и по идее, они должны были без проблем найти хотя бы пару домов, оставшихся целыми. А что до тесноты, так за годы, проведенные в подземных переходах, они к ней привыкли.

Скорее даже наоборот, люди успели отвыкнуть от открытого пространства. Первое время Азат замечал за собой, что побаивается смотреть на небо, которое всем остальным давно заменил растрескавшийся потолок со светодиодными лампочками вместо звезд. Иногда даже возникало ощущение, что он падает вверх, глупо как-то.

Но ничего, привык.

— Хреново мне, — сказал вдруг Шмель — тот, что сидел за рулем.

— Что такое? — посмотрел на него лейтенант. — Тошнит, что ли?

— Нет, — помотал тот головой. — Хреново, бежим мы из города, будто крысы. Бросили всех.

— А кого спасать-то? Коммунистов, что ли? Или моджахедов? — спросил старший в группе.

— Да почему. Наших. «Конфедератских».